

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МАГИКО-МЕДИЦИНСКОГО ОПЫТА В ПРАКТИКЕ НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА

В.Я. Темплинг

На основе концепта «жизненный путь» анализируются частные случаи складывания целительского опыта, раскрывается механизм его формирования, формулируется идея о дисперсном существовании магико-медицинских знаний как об условии их сохранения во времени.

Народная медицина, целительство, магико-медицинский опыт, знахари, жизненный путь.

Народная медицина — настолько многогранное явление, что исследовать все ее стороны даже в объемных трудах представляется делом весьма сложным, требующим усилий ученых многих специальностей: этнографии, фольклористики, истории, естественно-научных дисциплин, медицины. За рамки компетенции автора статьи выходят, в частности, вопросы оценки — положительной или отрицательной — применяемых в народной медицине средств и способов лечения, их практической эффективности, определения истинности или ложности тех или иных знаний. Основное внимание сосредоточено на выявлении зависимостей между событиями, разворачивающимися в жизни информанта, формированием магической части и индивидуальными особенностями его лечебного опыта.

В современном российском целительстве распространены самые разнообразные практики, в том числе весьма экзотичные, импортированные из других культур. Рассуждая о различиях между отечественной магико-медицинской практикой и современным целительством, В.И. Харитонова говорила о различном базисе этих практик. Первая из них основывается на «собственном этнокультурном многовековом традиционном опыте», а другая «склонна пользоваться методами и способами чужих традиционных практик». Исследователь также обращала внимание на возможное негативное воздействие на организм человека чужеродных элементов [Харитонова, 1995, с. 27]. В связи с этим важным является исследование традиционного народного целительского опыта сквозь призму индивидуального опыта, не искаженного новомодными экзерсисами.

Личностный подход к изучению народного медицинского опыта впервые системно применила В.И. Харитонова. Преследуя цель максимально объективного описания заговорно-заклинательного акта как целостного действия, она выделила несколько типов носителей традиционных знаний (в данном случае магико-медицинских) [Харитонова, 1993]. Уникальный характер имеет использование Е.Е. Ермаковой личностно-ориентированного подхода при публикации полевых материалов конца XX — начала XIX в. [2005]. Она же впервые указала на стадийность в приобщении информантов к магико-медицинской практике, выделив период детства и момент материнства [Ермакова, 2008, с. 17–18]. К биографическим аспектам носителей сакрального знания обратились в последние годы и этнографы [Мазалова, 2011; Публичук, Топорков, 2012].

Одним из основных критериев, использованных В.И. Харитоновой при типологизации носителей традиции, являлось качество владения магическими текстами. Нас же будет интересовать не этот критерий, не богатство и разнообразие репертуара и выразительных форм, а то, как складывался опыт, т.е. темпоральный аспект формирования магико-медицинского багажа: под влиянием каких обстоятельств это происходило; в чем проявлялись зависимости; чем мотивировались инкорпорации новых знаний, каковы были источники; каково соотношение традиции, транслируемой внутри семьи, благоприобретенной внешней и личной. Представляется, что ответы на поставленные вопросы требуют смены аналитического ракурса. Наиболее продуктивным для решения задачи может быть использование не просто биографического метода, а концепта «жизненного пути», позволяющего рассматривать личную историю человека/целителя в динамике.

В современной психологии под жизненным путем понимается «последовательность событий жизни человека, его формирование как личности и субъекта деятельности в конкретном социальном и историческом контексте» [Гришина, 2007, с. 81]. Важно отметить, что событие — это не

просто свершившийся и застывший факт в жизни человека, но своеобразная площадка, на которой разворачивается действие. Факт болезни, смерти или жизненной неудачи порождает целый спектр последствий. Это и эмоции, и размышления, и поиск оптимальных решений, и активизация целевых коммуникаций, и, безусловно, действия. На протяжении всей жизни человеку постоянно приходится соотносить себя со множеством социальных условий, форм и структур жизни, ее явных и скрытых принципов и механизмов, определяя свою траекторию движения в них. С принятием того или иного решения в определенной ситуации человек сам определяет на более или менее длительный период дальнейший жизненный путь [Абульханова-Славская, 1991, с. 17]. В этом смысле субъектом своей жизни можно быть в разной степени — от фактического отсутствия в выстраивании жизненного пути, ограниченного адаптацией к существующим обстоятельствам, до способности создавать свой жизненный мир. В условиях аграрного общества (а все наши информанты сельские жители) и тоталитарного политического режима возможности для построения своего жизненного мира, конечно, были ограничены. Тип разворачивания их жизненного пути ближе к адаптивному. Но и в этом случае приспособление к наличным обстоятельствам и ситуациям имеет индивидуальные особенности.

За годы полевых исследований нам приходилось встречаться с большим числом информантов, как правило, женщин, которые в той или иной степени занимались лечебной практикой. Более того, наш опыт общения позволяет утверждать, что почти каждая женщина является носителем хотя бы минимальных лечебных знаний, не только рационально-практических, но и магических. Именно женщины являются основными хранительницами традиций, обычаев и, безусловно, врачебных знаний. При этом целительство — не главное их занятие, обращение к этой практике диктуется определенными, совершенно конкретными запросами, обстоятельствами жизни. Но именно они обеспечивают непрерывное броуновское движение знаний, не дают им прерваться вместе со смертью какого-нибудь целителя. Это они в трудный жизненный момент подскажут соседке или родственнице, что нужно делать, если ребенок беспокойный, не спит. Или расскажут, как они сами лечили своих детей, поделятся опытом общения с N, известной знахаркой. Вспомнят, чему учили их мама или бабушка. Сюжеты о колдунах, знахарях, чудесных исцелениях — излюбленные темы неторопливых деревенских бесед, в которых активное участие принимают все присутствующие [Темплинг, 2005а, с. 20, 25–28]. Опыт каждой из них индивидуален и одновременно в чем-то универсален.

Статья посвящена описанию магиико-медицинского опыта Зои Никаноровны Т. и Таисии Савельевны К. Двух обычных представительниц сибирского сельского социума, в жизни которых целительство — не главный вид деятельности. Встреча с Зоей Никаноровной состоялась летом 1992 г. в старинном притрактовом селе под Тюменью. Судьба этого человека обычна и даже заурядна. Родилась Зоя Никаноровна в 1921 г. в д. Дроновой Заводоуковского района в обычной небогатой, но по-сибирски крепкой крестьянской семье. В родительском хозяйстве было два коня, двухлемешной плуг, куклеотборник для сортировки зерна, молотилка. Отец вернулся инвалидом после Первой мировой войны и не мог работать в поле, поэтому нанимали двух работников. Умер он рано, когда Зое было всего 6 лет, как раз накануне коллективизации, что, может быть, и спасло семью от раскулачивания. Далее — все как у многих советских женщин поколения 1920-х гг.: начальная школа, ранняя, с 13 лет, тяжелая работа в колхозе за бесплатные трудодни. В 16 лет — первое замужество, первый ребенок, недолгая семейная жизнь, прерванная войной, на которой муж погиб. Второго ребенка он уже не увидел. Затем последовало второе замужество. Детей приходилось поднимать в очень тяжелых условиях военного времени. От работы никто не освобождал, сидеть с детьми не разрешалось, они часто болели, полноценного питания не было. Один из сыновей, Иван, болел рахитом и не ходил до трех лет. И в дальнейшем судьба к Зое Никаноровне не была благосклонной. Самая страшная для любой матери боль — несвоевременная кончина сына — дополнилась тяжелой неизлечимой болезнью дочери.

Таким образом, три ключевых жизненных момента (события) предопределили специфику небольшого магиико-медицинского багажа Зои Никаноровны: болезни детей; тяжелейшие условия военного и послевоенного времени, на которое пришлось их становление; безвременный уход из жизни сына. Всего было записано 10 текстов: пять из них — от детских болезней, три — от тоски и два хозяйственных. Беседа с Зоей Никаноровной оказалась уникальной еще и в том отношении, что в ней раскрывается темпоральный аспект формирования заговорного репертуара информанта.

Жизненный путь и формирование индивидуального магико-медицинского опыта в практике...

Первые магические тексты, с которыми вынужденно познакомилась в своей жизни Зоя Никаноровна, закономерно были от детских болезней. Репертуар их обычный: от «куриного рева» (когда ребенок ночью не спит), «от щекотухи», от испугов и уроков, «собачьей старости» (рахита). К этой группе условно можно отнести и заговор от «чирья и любой боли». Во время беседы он упоминался в контексте детских заболеваний. Источник этих заговоров — бабушка Агафья Петровна, которая помогала внучке пестовать детей, передавала ей свой опыт и знания: «Если ребенок с вечера уснет, а ночью не спит. Надо носить ребенка под куриное седло (где курицы сидят ночью), когда курицы уже сидят на седле. Это я от своей бабушки научилась Агафьи Петровны. У нас ведь больница в 20 километрах была — не набегаешься, такие заговоры все женщины знали» [Темплинг, 2005б, с. 133–134].

Один из текстов (заговора от испугов и уроков) Зоя Никаноровна получила от бабушки-соседки: «Если на ребенке боязнь. Когда ребенку было 5 лет, уснул на губчике, спал и закричал “боюс, боюс”, я его разбудила, за стол посадила, а он все кричит. Я тогда не знала [к] Ефросинье Андроновне [пошла] у нее жили платники на квартире, она и научила». А лечить рахит («собачью старость») ее научила свекровь [Там же, с. 132, 133].

Как видим, это не специфические знания, это — необходимый минимальный объем сведений, входивший в орбиту интересов информанта под давлением внешних обстоятельств, который давал возможность поддерживать здоровье младенца в ситуации неясной этиологии заболевания и отсутствия врачебной помощи. Именно поэтому знахарки часто делятся ими с молодыми мамами [Ермакова, 2008, с. 13]. Об этом же говорила и наша собеседница: «такие заговоры все женщины знали».

Заговор от тоски вошел в круг знаний Зои Никаноровны уже в зрелом возрасте, после смерти сына. Это произошло здесь, под Тюменью, куда переехали жить и трудиться дети. Источником магической информации в данном случае выступает «здешняя старушка», которая в тяжелейший момент жизни пришла на помощь безутешной матери.

Цикл хозяйственных заговоров представляет собой тот же минимально необходимый набор знаний, касающийся жизненно важных для любой крестьянской семьи элементов хозяйства, которыми еще могли распоряжаться советские крестьяне с позволения властей: коровы-кормилицы и куриц. Это фундамент личного подсобного хозяйства, часто — единственный источник доступных продуктов питания. Значимость коровы для советской крестьянки отразилась в рассуждениях Зои Никаноровны о «великих грехах», среди которых грех «забирать у коровы молоко» стоит на втором месте после греха покушения на жизнь плода в утробе матери: «Великий грех: ребеночка из живота женщины забирать — душу губить, и второй грех — у коровы молоко забирать. А третий грех не помню. Ведь это плохо — хозяин безвинно корову сгубит из-за молока» [Темплинг, 2005б, с. 134–135]. Это соотношение отражает жизненную реальность. В условиях полунатурального хозяйства советской колхозной деревни, в годы войны, когда у крестьян изымалось почти все, корова была опорой семьи, без которой выжить и поднять детей было просто невозможно.

Зоя Никаноровна не является профессиональной целительницей. Она не трудится целенаправленно над расширением своих знаний в этой сфере, не рефлексировать по поводу механизмов воздействия на пациента: «помогает что-то», — заключает коротко информант. Она не охраняет ревниво свои знания. Несмотря на то, что беседа проходила без посторонних лиц, в отдельной комнате (Зоя Никаноровна, выросшая в деревне, так и не смогла привыкнуть к жизни в каменном доме, поэтому специально для нее был сделан деревянный пристрой), при обсуждении возможности публикации текстов она с готовностью выразила согласие и полагала даже, что это необходимо, так как кому-нибудь ее знания помогут. В этом отношении она осталась верна традиции: бескорыстно помогая родным и соседям, она готова делиться своим опытом в назидание и помощь всему миру.

Не занималась профессионально лечением и другая наша героиня — Таисия Савельевна К., жительница с. Червишево Тюменского района. Летом 2007 г. в распоряжение автора попала небольшая коллекция рукописей, принадлежавших ей. С информантом мне приходилось встречаться неоднократно, но в силу свойств характера близких и доверительных бесед не получалось. Т.С. принадлежала к той породе сибиряков, путь к внутреннему миру которых занимает немалое время. Поэтому основным источником при характеристике жизненного пути Таисии Савельевны являлись сведения, не только почерпнутые из личных бесед, но и сообщенные ее близкими родственниками, а также материалы коллекции. Возможно, особенности ее характера формировались под влиянием

не только жизненных тягот, коих выпало немало на долю советских женщин ее поколения, но и старообрядческих корней. В этом смысле судьба Таисии Савельевны — еще один пример типичной судьбы советской сибирской крестьянки, пережившей ужасы войн, коллективизации, репрессий.

Родилась Т.С. в 1913 г. в Исетском районе, была первым ребенком в семье, кроме нее было еще семеро. Жили хорошо, добротой и даже зажиточно. Итог — закономерный для советской эпохи: раскулачивание. По семейным рассказам, дети были разлучены с родителями, отец — Савва Афанасьевич Вешкурцев¹ — расстрелян в 1938 г. Мать умерла при родах. Так получилось, что Т.С. пришлось поднимать своих братьев и сестер. Замуж вышла в с. Онохино. Однако счастливая семейная жизнь не удалась. С первым мужем расстались из-за сложных отношений со свекровью. Инициатором развода была сама Т.С. Не склонная к компромиссам, она не прощала обид, отношения рвала раз и навсегда. Второй муж умер рано, оставив на руках Т.С. двух малолетних сыновей. Вся оставшаяся жизнь прошла в трудах и заботах о благополучии детей и внуков. Дети получили высшее образование, но и у них не всегда ладилась семейная жизнь. Много переживаний было связано со старшим любимым внуком, который в лихие 1990-е гг. не ладил с законом и несколько лет провел в местах лишения свободы. Пришлось пережить нашей героине и самую страшную материнскую трагедию — раннюю смерть старшего сына. Умер он в возрасте 40 лет от рака. Жизненный путь и его перипетии, без сомнения, отразились на характере Т.С. От природы крепкая, физически сильная, волевая, она была немного замкнутая, недоверчивая, трудно сходилась с людьми, иногда — суровая и непримиримая, всю жизнь беспрестанно и много трудившаяся, немногословная, не склонная к сантиментам.

Таким образом, раскулачивание, потеря родителей, несчастливая личная жизнь, проблемы в семейной жизни сыновей, внуков, натянутые отношения с сыном в последние годы жизни, совпавшие с тяжелыми годами перестройки и «дикого» капитализма, преждевременная смерть старшего сына — вот тот фон, на котором формировался индивидуальный магический опыт Т.С. И он в полной мере отражает особенности жизненного пути и характера нашей собеседницы. Об этом ярко свидетельствует репертуар магических текстов.

Всего коллекция рукописей насчитывает 30 документов пяти почерков, в которых зафиксировано 53 текста. Подавляющая часть из них (44 из 53) принадлежит руке Т.С. Сразу бросается в глаза обилие магических формул охранительного направления. В общей массе таких текстов насчитывается 17. Наряду с традиционными оберегающими формулами «от врагов», «от опасности», «чтобы неоколдовали (в другом варианте — не испортили) огород», значительную часть составляют молитвы (разной сохранности), в том числе «Воскресная молитва» (псалом 90), «Пресвятая Богородица, заступница небесная...». К этой же группе можно причислить 8 текстов полифункционального «Сна богородицы» (из них только три принадлежит руке Т.С.). К сфере регулирования человеческих отношений можно отнести и семейные заговоры («чтоб мир был в семье», наговор на чай, присушку «как дитя не может...», «если дома у вас скандалы») и такие, редко встречающиеся, как «на суд», «на украденную вещь», «кто обидит». Таким образом, в коллекции имеется 27 магических формул (66 %!), направленных на поддержание социального здоровья человека. Лечебные же тексты занимают весьма скромное место, их насчитывается всего 12 (из них 10 записаны Т.С.).

Если говорить о собственно лечебных навыках Т.С., то, по-видимому, они были не очень обширными и в основном ограничивались знаниями методов лечения общераспространенных заболеваний. Лечила она своих внуков и деревенских детей. Знания передала младшему внуку 1975 г.р., который одно время успешно практиковал.

Весьма интересно проследить источники магических знаний Т.С. Сейчас уже нельзя доподлинно узнать, какие тексты, когда именно и от кого вошли в магический обиход Т.С., но одно несомненно: часть из них была почерпнута из публикаций, в обилии выплеснувшихся на прилавки книжных магазинов в 80–90-е гг. XX в. Доказательства этому есть здесь же, в материалах коллекции. В ней сохранились вырезки из газет, журналов, календарей с рецептами, текстами заговоров. В обычную ученическую тетрадь, озаглавленную «Варить и жарить», содержащую рецепты приготовления блюд и несколько магических формул, вложены вырезки из газет, настенного календаря и неизвестного сборника магических сведений. Листки отрывных календа-

¹ Вешкурцев Савва Афанасьевич, 1891 г.р., д. Таловка Исетского р-на. Сторож Онохинского леспромхоза. Арестован 3 июня 1938 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 11 июня 1938 г. Расстрелян в Тюмени 16 июня 1938 г. Реабилитирован 7 августа 1989 г. См.: [Книга расстрелянных..., 1999, с. 39]. Расхождение в именовании отца и отчества нередкое для отечественной учетной системы явление.

рей датируются 1983 и 1984 гг. (18 мая, 16 и 29 октября) и объединены сюжетами рубрики «Строки любви». Прямого отношения к магическому опыту они не имеют, но значимы с точки зрения характеристики внутреннего мира нашей героини, тех проблем, которые ее волновали. Главная из них — натянутые отношения с младшим сыном, обладателем весьма сложного характера, отсутствие теплоты во внутрисемейных отношениях.

Вырезка из газеты «Труд» с публикацией текста заговора фурункула, присланного читательницей, датируется рубежом 1980-х — 1990-х гг. И наконец, небезынтересно содержание фрагмента из сборника магических сведений. Он представлен двумя страницами — 175 и 176, с наговорами и описанием ритуалов: лечения перхоти, «чтоб зубы перестали крошиться», «заговорить больное нутро», «зелье жизни (это тайное зелье жизни колдунов)», «наказать убийцу», «наказание на обидчика».

В группу лечебных входят широко известные тексты заговоров как от детских болезней: грыжи (два текста), испуга (родимца), так и от вневозрастных («от укуса змеи», на кровь, лечение фурункула). Особенностью этого сектора в репертуаре заговоров Таисии Савельевны является относительно высокая доля текстов, применяемых в лечении взрослых. Например, это заговоры от бессонницы, от паралича (два текста), «чтобы зубы перестали крошиться», «лечить рак». Тематический набор довольно типичен, а источники поступления формул, по-видимому, множественны. Наличие нескольких текстуально различных заговоров от одной и той же болезни явно свидетельствует о разных источниках их поступления. Некоторую специфичность сообщают ему тексты заговоров от паралича и от рака. Но их присутствие вполне объяснимо: старший сын Таисии Савельевны был болен этой страшной болезнью, а сама Т.С. — человек замкнутый — предпочитала скрывать свои эмоции, что приводило к временным частичным затруднениям в движениях.

Знания наших собеседниц представляют собой ту часть народного лечебного опыта, который условно можно назвать бытовым (или обыденным), в смысле общеизвестности, распространенности, доступности и повседневной практируемости среди основной массы жителей деревни [Бромлей, Воронов, 1976, с. 6–8]. Репертуар знаний формировался, как видим, под воздействием личных жизненных обстоятельств, и в этом его уникальность. Если бы линия судьбы Зои Никаноровны была другой, то, быть может, мы не услышали бы из ее уст наговора от тоски, возможны были бы и другие вариации. Пониженная социальная адаптивность, по-видимому, определила и своеобразие магического репертуара Таисии Савельевны К. Наши собеседницы были ограничены в выборе вариантов построения своего жизненного пути. Они не стояли перед выбором — выходить замуж и создавать семью или получать образование. Таисии Савельевне, кроме того что происходила она из «неблагополучной» по советским меркам семьи, пришлось участвовать в судьбе своих младших братьев и сестер. Зоя Никаноровна — уже «продукт» советской колхозной системы, вырваться из которой было не так просто. Но как выстроить семейные отношения — это уже всецело зависело от индивидуальной стратегии поведения, умения налаживать отношения с близкими людьми. Второе замужество Зои Никаноровны было более или менее благополучным, а вот Таисия Савельевна большую часть своей жизни так и провела в одиночестве, посвятив себя детям, и понятны ее переживания по поводу сложных отношений с младшим сыном.

Отношение к происходящим событиям тоже сугубо индивидуально по своей сущности. Обеим нашим героиням пришлось пережить одну и ту же материнскую трагедию. Но если уход из жизни сына спровоцировал в Зое Никаноровне глубокую печаль («тоску»), то Таисия Савельевна, безусловно тяжело переживавшая смерть сына, склонна была видеть причины жизненных неурядиц вовне. Репертуар зафиксированных магических текстов свидетельствует о явных различиях в локализации проблемных для наших информантов зон. Безусловно, что центральной для обеих являлась тема детей, их здоровья и благополучия. Однако проблемная модальность была различной для каждой из них. Для Зои Никаноровны — это физическое здоровье маленьких детей, для Таисии Савельевны — скорее социальное здоровье и благополучие детей, но уже взрослых. Всеми силами она старалась оградить своих детей от бед, переписывала сама обереги, привлекала к этому свою сноху, апокриф «Сон богородицы» вшивала в одежду, головные уборы. Тем не менее наблюдения над механизмом формирования, условно говоря, «врачебного» сектора знаний Зои Никаноровны Т. и Таисии Савельевны К. позволяют сделать вывод о некоторых закономерностях, характеризующих механизмы функционирования магических знаний в народной культуре, обеспечивающих непрерывность трансляции знания от одного поколения к другому.

Суть этого механизма сводится к тому, что знания как бы растворены в народном сознании. При их дисперсном существовании каждый человек представляет собой атомарную единицу, своеобразную ячейку коллективного мозга, в которой хранится какая-то часть информации, в данном случае лечебной. «Конфигурация» знаний в отдельной такой ячейке (т.е. индивидуальный опыт) всецело зависит от человека, его жизненного опыта, разворачивания жизненного пути, включенности в социальные процессы, приоритетов, ценностей и, конечно, способностей. Знания не статичны, они существуют в движении, постоянно перетекают из одной ячейки в другую, дополняются новой информацией, обновляются. События (болезни, жизненные ситуации) создают предпосылки, формируют мотивацию для инкорпорации в жизненный/лекарский опыт человека новых знаний. Материалы исследований также свидетельствуют о том, что в подавляющем числе случаев источники, из которых черпали знания знахари, множественны. Это можно считать доказанным как на историческом, так и на современном материале [Темплинг, 2010, с. 186–187; Ермакова, 2005]. Характер применения этих знаний весьма различен. Для одних пользователей такие знания актуализируются только в кризисные моменты и в дальнейшем за ненадобностью либо не пополняются, либо постепенно совсем забываются. Для других они составляют важную, но отнюдь не определяющую часть жизни, и лишь некоторые способны аккумулировать в себе значительный объем информации, который и определяет их образ жизни. Но это уже иной объем знаний, иное отношение к ним, иной характер использования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 302 с.
- Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. № 5. С. 3–18.
- Гришина Н.В. Психология жизненного пути // Психологический журн. Т. 28, № 5. 2007. С. 81–88.
- Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.): В 2 т. Тюмень: Издатель Пашкин, 2005. Т. 1. 204 с.; Т. 2. 380 с.
- Ермакова Е.Е. Заговорно-заклинательная традиция Тюменской области: (Тексты заговоров в записях 1980–2000-х годов). М.: ИЭА РАН, 2008. 394 с.
- Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область): В 2 т. Т. 1. / Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Тюменский курьер, 1999. 512 с.
- Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 304 с.
- Публичук Е.В., Топорков А.Л. «Где-то что-то есть»: Знахарка из Андомы о жизни, о вере и об опыте целительства // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.: (К изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянковой. М.: Индрик, 2012. С. 233–260.
- Темплинг В.Я. «Военная тайна» краеведения // Лукич. 2005а. № 1. С. 19–34.
- Темплинг В.Я. Индивидуальный магиико-медицинский опыт: (К характеристике вертикальной структуры традиционной народной медицины) // Культурное пространство региона: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14–15 апр. 2005. Тюмень: Мандр и Ка, 2005б. С. 127–135.
- Темплинг В.Я. Сельские врачеватели в сибирском социуме // Живая традиция заговора Сибири: Сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. СПб.: Алетейя, 2010. С. 174–199.
- Харитонова В.И. Заговорно-заклинательный акт в народной культуре восточных славян // ЭО. 1993. № 4. С. 91–106.
- Харитонова В.И. Традиционная магиико-медицинская практика и современное народное целительство: к проблеме воздействия на реципиента // В.И. Харитонова. Традиционная магиико-медицинская практика и современное целительство: Статьи и материалы. М., 1995. С. 27–54.

Тюмень, ИПОС СО РАН,
templ@mail.ru

Basing on the «course of life» concept, subject to analysis being special cases regarding development of healing experience, disclosing mechanism of its shaping. The author gives an idea of dispersion existence of magic-and-medical knowledge as a condition of its existence in time.

Folk medicine, healing, magic-and-medical experience, healers, course of life.